

о лексической основе сказок Писахова, о системе образов, выявлены символические единицы, относящиеся к различным аспектам культурного смыслообразования. Принадлежность к единому смысловому пространству объединяет повседневную жизнь человека, его интеллектуальную рефлексию и бессознательную память в

сплошной континуум культуры. Смысл существования индивида заключается в том, чтобы найти свое место в этом пространстве между прошлым и будущим, внутри традиции, уходящей в грядущее. Для северного писателя и художника С. Писахова этот поиск был актуальным и продуктивным.

Примечание

* Здесь и далее цитаты приводятся по изданиям: Писахов С. Сказки / ред. Ш. Галимов. – Архангельск 1969; Писахов С. Сказки, очерки, письма / сост., comment. и вступ. ст. Н.Б. Пономарева. – Архангельск 1985.

Литература

1. Пономарев Н.Б. Степан Писахов // Писахов С.Г. Сказки, очерки, письма / сост., comment. и вступ. ст. Н.Б. Пономарёва. – Архангельск 1985.
2. Галимов Ш. Волшебник слова (О.С. Писахов) // Галимов Ш. Уроки человечности. – Архангельск, 1984.
3. Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. – М., 1998.
4. Карапул Ю.Н. Общая и русская идеография. – М., 1976.
5. Степанов А.М. Толковый словарь по эзотерике, оккультизму и парapsихологии. – М., 1997.
6. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М., 1996.
7. Тресиддер Дж. Словарь символов. – М., 1999.
8. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. – М., 2000.

Камалова Алла Алексеевна, профессор, зав. кафедрой языкоznания Института восточнославянской филологии, Варминско-Мазурский университет в Ольштыне (Польша), доктор филологических наук.

Kamalova Alla Alexeevna, professor, head of linguistics department, East Slavic Philology Institute, Varminsko-Mazursky University, Olsztyn, Poland, doctor of philological sciences. Tel.: (004) 8896777030; e-mail: aaka46@rambler.ru

УДК 003.349.3(044.4)

© C.B. Русанова

Трансформация приказной памяти в условиях преобразования регионального делопроизводства в первой половине XVIII в.

На материале региональных документов конца XVII – первой половины XVIII в. исследуется вопрос о функциональной и жанрово-стилистической трансформации приказной памяти и ее связи с отдельными канцелярскими жанрами.

Ключевые слова: региональная деловая письменность, приказные и канцелярские жанры, формуляр документа.

S.V. Rusanova

Transformation of mandatory memory under conditions of reform of the regional record keeping in the first half of the XVIII century

On the material of regional documentation of the end of the XVII – first half of the XVIII centuries the issue of the functional, genre and stylistic transformation of mandatory memory and its relation to some clerical genres is researched.

Keywords: regional record keeping, mandatory and clerical genres, card.

Проблема формирования и дальнейшей эволюции жанровой системы деловой письменности XVIII в., несмотря на активное исследование последней, сохраняет свою актуальность. Особый интерес представляет вопрос о связи жанровой системы канцелярского делопроизводства с разными видами документов приказной традиции. Исследователи, отмечая неоднородность лингвистической содержательности текстов делового письма XVIII в., принадлежащих различным жанрам, акцентируют внимание на со-

хранении в системе канцелярского делопроизводства отдельных приказных жанров. Так, например, достаточно устойчивым оказался жанр челобитной, прочно удерживающий свои позиции до конца XVIII в. [1; 2; 3].

Делопроизводственная практика первой половины столетия характеризуется параллельным употреблением таких видов документов, как промемория, инструкция и память, отношения между которыми по-разному интерпретируются учеными. Одни считают, что «прежние наказные

грамоты воеводам заменили инструкции, место памятей заняли промемории, требования...» [4, с. 5]. Другие обнаруживают сходство в функциональном назначении *памяти и инструкции*. Так, А.П. Майоров, исследующий деловой узус Забайкалья XVIII в., сравнивая тексты документов, составленных в 30-40-х гг., приходит к выводу, что оба вида документов представляют собой распоряжение какого-то вышестоящего органа. Различие проявляется прежде всего в характере предписаний этих деловых бумаг: инструкция обычно предназначалась тем, кто был куда-либо командирован для исполнения указанного в документе предписания. Тем не менее «общего в функциональной направленности данных документов больше того, что их отличает от промеморий», имеющих, по мнению ученого, уведомительный характер [2, с. 29-30].

Исследование региональных памятей конца XVII в., их сопоставление с памятями первой половины XVIII в., написанными после утверждения и издания Петровских регламентов, позволяют уточнить процесс и причины вытеснения данного жанра новыми канцелярскими документами.

Память как вид делового документа начинает функционировать с XVI в., до этого употребляясь лишь в бытовом обиходе в значении «личная памятная записка» для фиксации какого-либо события. В начале XVI в. памятью могли называть документ, представлявший собой духовное завещание и именовавшийся *рукописанием*, или *духовной*, или *вкладной*, или *данной* [5, с. 68-69]. И только к середине века память формируется как документ, представляющий собой распоряжение, предписание старшего по положению лица (а вскоре и учреждения) на конкретные действия своим подчиненным. В течение второй половины XVI в. у памяти как распорядительного документа складывается достаточно устойчивый формуляр [5, с. 70].

В деловой письменности Забайкалья конца XVII в. память используется обычно как официальное предписание стольника и воеводы из иркутской приказной избы в подчиненные ему остроги и слободы. Память начиналась формулой *По указу великого государя царя и великого князя ... всеа великия и малыя и белыя России память*, актуализирующей распорядительный характер документа. Примечательно, что в соответствующих отписках адресатов широко распространено составное наименование *указная память*: по ука^{зу} велики^х г^{де} дана мн^ѣ | указная памя^т велено принял^т... [РГАДА, ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 278, л. 30, 1693 г.]; присланна из Ыг^{ин}

ско^у слободы | о^т тебя стольника^и воеводы о^т кн^ѧзя^и вана Петро^у вича в Ба^ргузинско^у острогъ указная па | мя^т а в указ^{но} памяти написано велено | беречь... [РГАДА, ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 278, л. 31-32, 1693 г.].

Памяти могли содержать несколько распоряжений и адресовались, как правило, конкретным должностным лицам, среди которых обычно встречаются казаки тех или иных забайкальских острогов.

Перестройка системы государственного управления в первой четверти XVIII в., формирование нового канцелярского делопроизводства обусловливают перемещение памяти на периферию жанровой системы делового письма с последующим ее полным вытеснением. Однако это не было процессом прямолинейного вытеснения приказных документов, чуждых новым языковым стандартам и новой речевой культуре. Как свидетельствуют материалы региональных архивных фондов, память продолжает использоваться в официальной переписке на протяжении первой половины столетия, подвергаясь при этом общей тенденции к преобразованию формуляра и официально-делового этикета.

Так, памяти, обнаруженные в фонде Троицкого Селенгинского монастыря НАРБ, содержащем самые ранние памятники местной деловой письменности XVIII в., используются как распорядительные документы прежде всего во внутриведомственной переписке, в частности внутрипархиальной. Основанием для подобных документов служили указы центральных канцелярий, святейшего Синода, архиерейской консистории. По характеру отношений между коммуникантами обнаруженные памяти-предписания могут быть поделены на две группы. Большая часть документов представляет собой распоряжения монастырского начальства «посельщикам» монастырских вотчин или служителям монастырей, о чем свидетельствуют формулы начального протокола памятей: из Тр^оицкого Селенгинского | мн^ѣтра память того мн^ѣтра в Кудар^искую вотчин[у] | поселны^м монаху Дионисию с товарищем [НАРБ, ф. 262, о. 1, д. 13, л. 49, 1736 г.]; из Троицкого Селенги^нского мн^ѣтра в Хилоцкую во^тчину | поселщику Никит^ѣ К'ассоварову память [НАРБ, ф. 262, о. 1, д. 31, л. 3, 1747 г.]; из Троицкого Селенгин^нского мн^ѣтра посл^ино^м | того мн^ѣтра мн^ѣтрскому служителю Михайлу | Кропивину [НАРБ, ф. 262, о. 1, д. 31, л. 23, 1747 г.]. Однако в документах фонда встречаются памяти, представляющие собой форму переписки между равными по административно-служебному статусу коммуни-

кантами. Примером тому может служить память-предписание архимандрита Вознесенского Иркутского монастыря архимандриту Селенгинскому Троицкого монастыря об обязательной присылке в Вознесенский монастырь на пропитание школьным ученикам денег вместо наличного хлеба [НАРБ, ф. 262, о. 1, д. 3, л. 178-178 об., 1725 г.].

Кроме того, при внешнем структурном сходстве и функционально-смысловом единстве документов конца XVII – первой половины XVIII

в. бросаются в глаза нововведения грамматического и лексико-стилистического плана. Для примера сравним ключевые фрагменты двух памятей: памяти стольника и воеводы Ивана Федоровича Николаева из иркутской приказной избы в Тункинский острог казаку Архипу Смирному 1699 г. [РГАДА, ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 517, л. 9-10] и памяти (копия) из духовного приказа Вознесенского Иркутского монастыря архимандриту Троицкого Селенгинского монастыря 1725 г. [НАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 31, л. 3].

№	Память 1699 г.	Память 1725 г.
1.	<...> по 8ка ^з великого гд ^р я цр ^я і великого кізя Пет ^р а Алє ^ж е вича в'сea великия и малыя и бѣлья Росії самоде ^р жц ^а памя ^т	По ука ^з у Ея величества г ^р данні Імператрици і самоде ^р жицы всеро ссїско ^м память
2.	в' Ту ^н кинско ^м острогъ казаку А ^р хипу Сми ^р нwm ⁸	Во ^з несе ^н ского Ирк ^т цкого мн ^с тра в ^о дх ^о в ^н ого при ка ^з у Сел ^г и ^н ского Тр ^о ицкого мн ^с тра всечестно ^{му} w ^т ц ⁸ Мисай ^л архима ^н дрит ⁸
3.	в нї ^ж ине ^м въ сз ^м го ^{ду} Февраля въ ле писа ^л ис Т ^у нкинского в Іркутц ^к к стол ^т ник ⁸ і воеводе Ивану ⁸ Федоровичу Никалеву прика ^з нику Алє ^ж А ^р се- неву а в о ^т писке ево написан ^о <...>	Пропис ^ш аго 724 го ^{ду} апр ^{елья} =17= дня в 8ка ^з г ^р дана великого преосвященнаго Антония митрополита Тобол- ского и Сибирского при ^{гла} но ^м в Во ^з несе ^н ской мн ^с тра написано так ^ш во =2= ча ^{ст} и печа ^т наго регла м ^е та о дѣла ^х епи ^с копо ^в на лист ^е =24= м ^о по ^л числу ^м =11= м ^о напеча тано <...>
4.	и какъ к теб ^к ся память придетъ	и по пол ^{чи} ей сей памят ^и
5.	и теб ^к про Дениску Третьякова розыска ^т в Ту ^н - кинску служилыми люд ^{ми} <...> а челобитчик ^в бра- ски ^х люде ^й допроси ^т по и ^х вере <...>	теб ^к всечестно ^{му} о[т]пу Миса] йту архима ^н дрит ⁸ о присы ^т к ^и і ³ мн ^с тра своего [в Возне] ссїско ^м мн ^с тра на пропитание школьнны ^м [учени] к ^в мъ вм ^ѣ сто наличног ^ш хл ^б ба за дводес ^[ятъю] часть по тамошней настоящей п ^т н ^и б <...> чинить в самой скорости
6.	вправд ⁸ по святе ^м непорочн ^и ева ^н тильско ^м заповеди гд ^и на еже ее ^и проти ^в ю Денисково ^м ссылки	какъ о томъ [Ея] величества г ^р данні императрици ук[аз и пе] чатно ^м синодалной регламе ^н ть повел ^к вае[ть]
7.	да то ^т розы скъ са ^з свою рукою и съ ^к ны ^х люде ^й за р ^у ками * и са ^з знамыни братц ^к и ^х люде ^й присла ^т в Іркутц ^к и о ^б явит ^и в' приказно ^м и ^з б ^и столни ^к у j воеводе Ивану ⁸ Федоровичу Никалев ⁸	А что учинено б ^у детъ w ^о томъ Во ^з несенс[кого] Ирк ^т цкого мн ^с тра в дх ^о в ^н ой прика[зъ] w ^т в ^ѣ тствовать неме ^л ленно
8.	-	на по ^л инной памяти пишеть тако А ^н т[оний] архима ^н - дрит ⁸ Ирк ^т цког ^о В ^о з ^н есенского м[н ^с тра] w ^к тя ^р я =12= дня 1725 г ^у
9	-	а по ^л инной память [писа ^л] по ^л ячей Егоръ Де ^з обрыв листа <...>

При общей текстовой модальности и функциональной направленности документов в памяти 1725 г. очевиден ряд типичных канцелярских элементов: синтаксическая компрессия (*и по получении сей памяти*), номинализация (чинить *о присылке*), информация о непосредственном авторе памяти (*архимандрит Вознесенского Иркутского монастыря Антоний*) и ее составителе (*подьячий Егор Д...*), введение новых титулов и этикетных формул обращения.

Причем количество новых структурных элементов продолжает увеличиваться в памятях более поздних лет. Прежде всего меняется фор-

ма передачи императивности предписания. В резолютивную конструкцию «местоимение в дательном падеже + инфинитив глагола, обозначающего действие, необходимое для исполнения распоряжения» (*тебе чинить, ответствовать*), вводится модальный глагол: *повел^ква | ется теб^к* поселищику Квасоварову помяну | ты^х дер^жателей к'рестьян Григоры^а | При^{чи}на с товарыши д^ля про^ведения в де^р | жани^и ими оного б^ѣг^олого Левова выс^{ла} | в' Т^роиц^кой Селен^гин^ис^кой мн^стре в' с'корост^и * | для о^тсы^ки и^х во о^бявленную ко^нс^иторию к о^тв^ѣт⁸ |

немед'лен'но [НАРБ, ф. 262, о. 1, д. 31, л. 3, 1747 г.]; Получя сию память *повелѣвается тебѣ | Кропивинъ* *хать Итанцынскаго ост'рога в' ра^з | ныя деревни ї слободы и сыска^м* тамо Трои | цкого * мн^стря мн^стрскогѡ слѣжителя Федора | Крылова, а по сыск^в привесть с собою в Тр^оцко' | Селенги^нской мн^стря вскорости и послан^но^м | слѣжителю Михайлу Кропивину^в чинить | по сей памяти непремѣннѡ [НАРБ, ф. 262, о. 1, д. 31, л. 23, 1747 г.].

В системной организации текста памяти усиливается роль устойчивых конструкций со страдательными причастиями, среди которых производные от глаголов со значением «сообщать» и «побудить что-нибудь сделать с помощью устной или письменной речи», выполняющие анафорическую функцию. См. в приведенных выше примерах формы *помянутых, объявленную, посланному*. Страдательные причастия, утверждаясь в XVIII в. в качестве текстообразующих единиц делового языка, активизируются не только в формулах, но и в свободной от формуляра части текста. «В подобном месте, — пишет Н.А. Новоселова, — они создают лексический сбой, нарушают разговорный характер этой части документа и спецификой своего повторения еще раз подтверждают мысль, что их последовательное употребление является стилистической особенностью делового языка» [6, с. 169].

Кроме вышеперечисленных нововведений в исследуемых документах «перестроичного» периода обращает на себя внимание еще одна черта, свидетельствующая не только о становлении нового канцелярского формуляра, но и о формировании гражданского секуляризованного сознания. Речь идет о формуле, актуализирующей степень служебной ответственности за исполнение особо важных поручений. В памяти 1699 г., представляющей собой распоряжение провести объективное расследование, данная формула имеет следующий вид: и тебѣ^б про Дениску | Третьякова розыска^т <...> *вправдѣ по святе'* | *непорочнѡ' ева^нгельско' заповеди* *гдѣ на | еже ее'* против^в ю Денисково^в ссылки. В памяти 1725 г. по функциональной значимости ей соответствует формула: тебѣ^б <...> о присы^лк^т і³ мн^стря своего <...> чинить в самой скорости какъ о томъ [Ея] | величества г^орданіи императрици ук[аз и не] | чатно^в синодалной регламе^нть *повелѣвае[ть]*.

Приказный текст, при всей его внешней оторванности от культурно-ментального пространства книжного языка, отражает унаследованное русским обществом из средневековья религиоз-

ное сознание, для которого, по мнению Т.И. Вендиной, социальные ценности во многом являлись проекцией в жизнь социума религиозных ценностей [7, с. 293], подчинявших «себе поведение и всю повседневную жизнь средневекового человека, поскольку осмысление этих ценностей требовало от него их исполнения в соответствии с существовавшей в его сознании перспективой будущего возмездия или награды» [7, с. 281].

Формула *вправду по святой непорочной евангельской заповеди господина еже ей-ей* свидетельствует о том, что в языковом сознании общества мерилом, определяющим его правовые и моральные нормы, выступают божьи заповеди. Новая же административно-юридическая система утверждает в качестве главного регулятивного принципа в правовых общественных отношениях не силу нравственного самоконтроля, а силу законодательной системы, утвержденных императором регламентов.

Подобная замена с нейтрализацией религиозного компонента обнаруживается и в других видах документов, в частности, в допросах, связанных с дачей показаний, в которых вышеназванная конструкция в конце XVII – начале XVIII в. употребляется в качестве формулы подтверждения истинности сообщаемого. Ср.: и^рку^тцкие казаки А^ндрѣ^б Бро^нниковъ | Лука Жидо^всовъ да поса^лного члѣка | Прохоровъ бра^т Миронова Іваш'ко Ми | роно^в опрашиваны а в допрѣ *и в святѣ христо^в непорочно^у ѹва^нгельско^в | заповеди* *гднни еже е'е' вправдѣ* | сказали... [РГАДА, ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 517, с. 28, 1701 г.]; <...> Ганка Лукъяно^в | Никишка Івано^в Алексашка Гри | го^рївъ допрашиваны а в допро | се по святѣ христо^в непорочно^у | но^в ѹвангельско^в заповѣди гдѣни еже | е'е' вправдѣ сказали [РГАДА, ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 517, с. 35-36, 1701 г.]. В допросах и допросных речах второй половины XVIII в. данная конструкция трансформируется в формулу *в сем допросе показал самую сущую правду без всякой утайки*, допускающую лексико-грамматическое варьирование отдельных элементов. Например, в допросных речах 1796 г.: и в се^м | допросе показаль самую сущью правду без' | всякои ѹтайки [ПЗДП, 92, л. 5]; в допросах 1772 г.: а в семъ допросе показала самью сущю правдѣ | и ничего не утила [ПЗДП, 94, л. 9 об.]; и в сем допросе сказал | о^н Растворгутевъ не скрывая самую исти^нну по^л опасениемъ ежели што сказа^л должно | или ѹтай^л по ѹказо^м чёмъ будетъ достоинъ [ПЗДП, 93, л. 4 об.].

Приведенные материалы позволяют предположить, что процесс вытеснения приказных жанрово-стилистических элементов канцелярскими в первой половине XVIII в. выходил за рамки распорядительных документов столичных ведомств. Так, в контексте культурных и языковых преобразований Петра меняются не только формуляр и жанрово-стилистические признаки приказной памяти, но и ее идеологическая направленность, в результате чего память, как «класс документов, объединенных общей текстовой модальностью» [5, с. 22], вполне вписывалась в строящуюся парадигму канцелярского делопроизводства, характеризующуюся вариативностью гетерогенных языковых средств. Следовательно, вытеснение памяти, как и многих других приказных жанров, было обусловлено прежде всего возрастающими потребностями государственного устройства, социокультурной стратификацией общества. Как было отмечено, уже в рамках приказной традиции в региональных «указанных» памятках зарождается дифференциация документов по типу отношений между адресантом и адресатом.

Расширяющаяся система государственного делопроизводства, формирование нового административно-управленческого аппарата требовали языковой экспликации сложных общест-

венно-правовых отношений, выработки нового речевого этикета, специальных форм выражения распоряжения не только учреждению (или лицу), находящемуся в отношении подчинения к адресанту – вышестоящему органу (или старшему по положению лицу), но и учреждению, выполнявшему с адресантами одинаковые делопроизводственные функции. Все это делало актуальным выделение новых, изначально близких по языковому оформлению, но специализированных по своему назначению разновидностей документов, в частности таких, как инструкция и промемория.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает появление в делопроизводственной практике жанра промемории, активно использующейся в первой половине XVIII в. в переписке между учреждениями разных ведомств.

Характер равных по административной значимости отношений между коммуникантами обусловливал оформление предписания решить тот или иной вопрос в виде официальной просьбы, что находит отражение в резолютивной формуле промемории, маркированной особым этикетным элементом: *да благоволит учинить (благоволит ведать и учинить) по Ея Императорскаго Величества указом (указу)*.

Литература

1. Трофимова О.В. Деловая письменность в контексте истории языка и государства // Проблемы лингвистического краеведения. – Пермь, 2002.
2. Майоров А.П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. – М.: Азбуковник, 2006.
3. Русанова С.В. Из наблюдений над языком челобитных восточносибирской деловой письменности конца XVII–XVIII вв. // Язык, литература и культура в региональном пространстве: материалы II Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. / под ред. Л.И. Шелеповой. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. – Вып. 2.
4. Лингвистическое краеведение на Южном Урале / под ред. Л.А. Глинкиной. – Челябинск: Изд-во Челябинского педуниверситета, 2001. Ч. 2. Материалы к истории языка деловой письменности XVIII века.
5. Качалкин А.Н. Жанры русского документа допетровской эпохи. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. Ч. 2. Филологический метод анализа документов.
6. Новоселова Н.А. Страдательные причастия как фактор текстообразования в деловом языке XVIII века // Лингвистическое краеведение на Южном Урале. – Челябинск: Изд-во Челябинского педуниверситета, 2001. – Ч. 3: Очерки по языку деловой письменности XVIII века / под общ. ред. Л.А. Глинкиной.
7. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. – М.: Индрик, 2002.

Сокращения

НАРБ – Национальный архив Республики Бурятия.

ПЗДП – Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века / под ред. А.П. Майорова; сост. А.П. Майоров, С.В. Русанова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос ун-та, 2005.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Русанова Светлана Владимировна, доцент кафедры общего и исторического языкознания Бурятского государственного университета, кандидат филологических наук.

Rusanova Svetlana Vladimirovna, associate professor, department of general and historical linguistics, Buryat State University, candidate of philological sciences. Tel.: (3012) 443120; e-mail: rusanowa_7@mail.ru